

В письме к брату в провинцию Азию Цицерон говорит о каком-то Лицине, который охотился за людьми. Квинт Цицерон пригрозил по суду сжечь Лицина живым, если он будет пойман⁴⁵. Следовательно, римские законы карали за порабощение свободных и похищение чужих рабов. Но случаи нарушения законов были частыми, особенно в провинциях.

По закону Петелия 326 г. до н. э. запрещалось рабство-должничество для римских граждан. Цицерон только один раз упоминает о праве собственности по долговому обязательству, но речь идет не о рабе, а о приятеле Цицерона и Аттика банкире Мании Курии, который шутливо говорит о своей зависимости от Цицерона и Аттика⁴⁶. Законным путем продавать в рабство римских граждан за долги было невозможно. Только определив грань между свободными и рабами, граждане античного государства могли сохранить единство и сплоченность. «Отмена долгового рабства пролагала непроходимую грань между свободным бедняком и рабом... где насчитывалось большое число рабов, гражданский коллектив благодаря этому мог сохранить единство и сплоченность. В противном случае он был бы беззащитным перед лицом рабов»⁴⁷.

У Цицерона много сведений о торговле рабами, захвате чужих рабов в мирное и военное время, но поскольку это простое перемещение рабов из одних рук в другие, а не источник рабства, материалы Цицерона по данным вопросам в статье не рассматриваются.

Сравнивая данные Цицерона с другими источниками, можно прийти к выводу, что внешние источники рабства были основными для Рима I в. до н. э.

А. Л. КОРЖИНСКИЙ

ВОЙНА В ПОЭМАХ ГОМЕРА

Война — неотъемлемая часть мира гомеровских поэм. Не только «Илиада», сюжет которой нераздельно связан с Троянской войной, но и «Одиссея», посвященная «странствиям и

⁴⁵ Cic., Ad Q. fr., I, 2, 6.

⁴⁶ Cic., Ad fam., VII, 29; VII, 30.

⁴⁷ Шишова И. А. Долговое рабство. — В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 47.

возвращению мужа»; показывают нам мир непрерывного насилия. Оружие обнажается не только на поле битвы или при штурмах городов. Герои поэм хватаются за мечи во время народного собрания, на пирах, сплошь да рядом убивают родственников и скрываются от возмездия.

Несмотря на пестроту этого «мира насилия», свидетельства поэм в основном составляют две большие группы. Во-первых, описания оружия и доспехов, во-вторых, — сами «военные операции»: сражения, поединки, словом, все случаи, когда это оружие применяется. Обе эти группы свидетельств не равноценны для исследователя. Скрупулезный анализ гомеровских описаний оружия и доспехов преследует возможно более вероятную идентификацию их с археологическими находками. Начиная от Райхеля¹ и до Лоример² — автора фундаментального труда «Гомер и памятники» — многочисленные исследователи пытались решить эту сложнейшую проблему³.

Археологи выделяют для литературных свидетельств довольно скромную роль. По мнению известного английского археолога Снодграсса, литературный материал может «подтверждать выводы археологии, может дополнять их и, наконец, противоречить им»⁴. В последнем случае Снодграсс предлагает пересмотреть литературное свидетельство. Можно согласиться с тем, что «труднее описать детали (какого-либо предмета. — А. К.), чем изобразить его»⁵. Этим и объясняется некоторый скептицизм по отношению к литературным свидетельствам и в особенности к идентификации их с археологическими свидетельствами. Свидетельства поэм, легко сопоставимые с археологическими находками, редки, как редки и вообще подробные описания оружия и доспехов. Общеизвестно также, что доспехи у Гомера могут представлять собой комбинацию свойств предметов, принадлежащих к различным историческим эпохам: Основные элементы вооружения гомеровских героев служат предметом острой дискуссии⁶.

¹ Veber Homerische Waffen, Archäologische Untersuchungen. Von Wolfgang Reichel, Wien, 1894.

² Lorimer H. L. Homer and the Monuments, L., 1950.

³ Следует упомянуть работы: Nilsson M. P. Homer and Mycenae, L., 1933; Webster T. B. L. From Mycenae to Homer. L., 1964.

⁴ Snodgrass A. Early Greek Armour and Weapons from the end of the Bronze Age to 600 b. c., E., 1964, p. 169.

⁵ Snodgrass A. Op. cit., p. 169.

⁶ Попытки выделить у Гомера какой-либо преобладающий тип снаряжения — будь то вооружение микенского воина или гоплита — неизменно вступают в противоречие с самим текстом поэм. Как следствие этого про-

С другой стороны, анализ гомеровских батальных описаний сводится в основном к вопросу о реальности так называемой «стратегии поединков». Известны попытки найти у Гомера гопплитскую тактику и снаряжение⁷.

Значительно меньше внимания уделено исследователями самому характеру войн, изображенных Гомером. В первую очередь следует отметить небольшую, но весьма содержательную статью Кёрка «Война и воин в гомеровских поэмах»⁸. Кёрк выделяет три основных типа войн в гомеровском обществе. Это, по его мнению, небольшие местные войны и рейды; гражданская война и, наконец, осада города, значительная по масштабу, но непродолжительная по времени⁹. Несмотря на то, что Кёрк считает, что Гомер не представляет ни развитой бюрократии Микенского периода, ни истинных размеров богатства и власти владык дворцов-цитаделей, он приходит к выводу, что выделенные им три типа войны ближе к Бронзовому веку и его традиции, чем к так называемому Темному периоду (XI—IX вв. до н. э.) или к Геометрическому периоду (900—700 гг. до н. э.). Противоположная точка зрения представлена Гринхалгом в его монографии «Раннегреческая война»¹⁰. Автор принимает классификацию гомеровских войн, предложенную Кёрком, но утверждает связь гомеровских представлений о войне с Геометрическим периодом¹¹. Его аргументации нельзя отказать в убедительности, несмотря на известную методологическую слабость¹². Гринхалг, по существу, не имеет оригинальной точки зрения на гомеровское

творчества строфы, не укладывающиеся в ту или иную схему, объявляются интерполированными. Так поступает Лоример в отношении строф, связанных металлическими нагрудниками (Homer and the Monuments, p. 203—211).

⁷ Webster T. B. L. From Mycenae to Homer, p. 214—220. Резюме дискуссии о так называемых «гопплитских отрывках» дается в монографии Снодграсса (Snodgrass A. Op. cit., p. 176—179).

⁸ Kirk G. S. War and the warrior in the Homeric poems. — In: *Problemes de la guerre en Grece ancienne*. Ed. E. P. Vernant. P., 1968, p. 112.

⁹ Кёрк. Указ. соч., с. 113.

¹⁰ Greenhalgh P. A. L. *Early Greek Warfare Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages*. Cambridge, 1973.

¹¹ Гринхалг. Указ. соч., с. 166.

¹² Так, считая, что гомеровские представления о применении боевых колесниц не отражают практики Бронзового века, а связаны с так наз. Темными веками, Гринхалг заключает: «Если это справедливо для боевого применения колесниц, это должно быть также справедливо для других аспектов фона гомеровской картины». Под «фоном картины», в отличие от сюжетной линии, имеются в виду «общество, его институты, материальная культура и идеология» (Гринхалг. Указ. соч., с. 156).

общество. По его мнению, власть в поэмах «все еще наследственная монархия», его представления о том, как действует механизм этой власти, об общественных институтах гомеровского общества туманны и непоследовательны¹³.

При исследовании гомеровских представлений о войне историку-марксисту, безусловно, следует иметь в виду характеристику гомеровского общества, данную Ф. Энгельсом в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Они (гомеровские греки. — А. К.) жили уже в городах, укрепленных стенами; численность населения увеличивалась вместе с ростом стад, распространением земледелия и зачатков ремесла, вместе с тем росли имущественные различия, а с ними и *аристократический элемент* внутри древней, первобытной демократии»¹⁴ (курсив мой. — А. К.).

В свете современных научных представлений гомеровский полис охарактеризован в монографии Ю. В. Андреева «Ранне-Греческий Полис» как «позднеродовое варварское общество в его специфическом городском варианте»¹⁵. Анализ гомеровских представлений о войне и посвящена данная статья.

Троянскую войну поэт стремится представить недавним прошлым, но поэмы рассказывают и о войнах «седой» древности. Обычно о деяниях века героев повествуют «старцы». Чаще всего Нестор, видевший три поколения. Почти его ровесником представляется поэту и Феникс, воспитатель Ахиллеса, в уста которого вложен древний миф о Мелеагре. Сюжет этого мифа весьма близок к сюжету «Илиады». Божественный гнев грозит гибелью родному городу Мелеагра. Он же, как Ахиллес, бездействует. Ни мольбы «старцев», ни просьбы отца, сестер и друзей-сверстников не смягчили гнева героя. Старейшины прислали жрецов (Илиада, IX, 575 слл.), предлагая великую награду за отречение от гнева: участок плодородной земли площадью в 50 урхл. Мелеагр, как и Ахиллес, не принял даров. Лишь молодой жене удастся убедить его вступить в сражение¹⁶. В этой повести о войне между городами видны

¹³ Гринхалг. Указ. соч., с. 171. Мнение об универсальности «королевской власти у Гомера, об отсутствии признаков ее «конституционной ограниченности», высказана еще Чадвиком в труде «Геронический век» (The Heroic Age, by H. M. Chadwick: Cambridge, 1912).

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 104—105.

¹⁵ Ранне-греческий полис (Гомеровский период). Л., 1976, с. 114.

¹⁶ Сюжет очень древний. Поэт лишь глухо упоминает о том, что мать Мелеагра губит сына, мстя за своего убитого брата. В то же время «расказ — увещание» Феникса — интересная иллюстрация того, как перераба-

следы древней практики. Старейшины могли вознаградить военные подвиги почетным даром: участком плодородной земли.

Наиболее законченная повесть о вражде двух городов вложена в уста Нестора (Илиада, II, 669 сл.). Нестор обращается к достославным временам своей юности. С небольшим отрядом своих сверстников он захватывает стада, принадлежащие врагам. Отец Нестора отделил свою часть добычи, остальное делится старейшинами между Пилосским «народом»¹⁷. Через три дня вражеское войско подступает к Пилосу. На защиту города собирается войско—*λαός* (Илиада, II, 716). Нестор выступает в поход вместе со всеми, несмотря на запрещение отца, и совершает великие подвиги. Очевидно, набег на врага совершается им на свой страх и риск. Нападение небольшого отряда юношей служит предлогом для войны. В поход вступает уже значительное войско, и собирается ополчение для защиты Пилоса. Как и в повести о Мелеагре, власть, очевидно, принадлежит отцу героя и старейшинам. Именно они наблюдают за дележом добычи или потом предлагают награду за подвиги. Под «войском» подразумевается все способное носить оружие население города.

Для военных предприятий¹⁸ более крупного масштаба войско собирают по городам. Перед походом против Фив Тидей и Полиник, «рать собирая», приходят в Микены. Микеняне согласились было дать им союзников, но были уstraшены грозными знаменами (Илиада, IV, 376 сл.). Атриды и Нес-

---

тывается традиционный материал в целях сюжета о гневе Ахиллеса. Композиционно речь Феникса состоит из 2-х частей. В первой Феникс рассказывает о временах своей юности, доказывает пагубность гнева. Гнев едва не привел его к ужасному преступлению — отцеубийству. Лишь затем вводится миф о Мелеагре. Целевой акцент рассказа в конце — выступив добровольно, Ахиллес получит богатые дары; в том случае, если он будет сражаться, подчиняясь необходимости, ему не удастся снискать подобной «чести» (Илиада, IX, 603 сл.). Мелеагр столь же индивидуалистичен, как и Ахиллес.

Противоположная оценка дается Гринхалгом (Гринхалг. Указ. соч., с. 169). Он считает, что поведение Мелеагра обуславливается его «патриотизмом» к родному городу. Едва ли это справедливо. Не бедствия сограждан, не просьбы родственников и друзей, а мольба жены заставляет Мелеагра действовать. Мотив столь же личный, как и скорбь Ахиллеса о погибшем друге.

¹⁷ В рассказе Нестора отчетливо видны черты идиллии. Никто не обделен его отцом при дележе добычи. За храбрость и справедливость сограждане славославят юного сына царя.

тор, возобновляя и заключая союзы дружбы и гостеприимства, привлекают к экспедиции под Троию новых участников¹⁸.

Далеко не все участвуют в войне добровольно. За уклонение от похода грозит «возмездие» от Ахейцев (Илиада, XIII, 669). Не могут отказаться даже вожди, избранные предводителями (Одиссея, XIV, 239). Житель Сикиона, Эхепол, откупаясь от участия в походе, дарит главе ополчения кобылицу. Едва ли можно видеть в этих свидетельствах указания на личную, феодального типа зависимость¹⁹. Посланцы, вернее инициаторы похода, очевидно, обращаются к совету «старцев». После того как народное собрание соглашается принять участие в войне, решение становится обязательным для всех членов общины.

Поэмы показывают и военные походы, совершаемые не в интересах общины, а иногда и враждебные ей (Одиссея, XVI, 424). Значительный интерес в этом отношении представляют так называемые «критские» истории Одиссея. Наиболее полную и законченную легенду Одиссей преподносит Эвмею (Одиссея, XIV, 199 сл.). Он представляется критянином, побочным сыном богатого гражданина. Обделенный братьями при дележе наследства, герой прославился отважными предприятиями. Девять раз с товарищами он выходил в море «на поиски счастья». Пиратские рейды принесли ему богатство и известность (Одиссея, XIV, 230 сл.). Избранный критянами вместе с Идомеем в военачальники, герой отправляется под Троию. Поэт лишь вскользь упоминает о событиях Троянской войны, заведомо известных слушателю. По возвращении из похода воинственный герой лишь месяц провел с женой и детьми. Жажда богатства и приключений вновь заставила его выйти в море. Организация этой «египетской» экспедиции описана довольно подробно и, очевидно, типична для такого рода предприятий. Глава экспедиции собирает отряд, оснащает девять судов. Перед выходом в море он устраивает шестидневный пир для «товарищей», очевидно, на свои средства. Поход заканчивается полнейшей неудачей: герой лишается и спутников и кораб-

---

¹⁸ Глава ополчения Агамемнон потратил целый месяц на возвращение с Итаки, с трудом уговорив Одиссея принять участие в походе (Одиссея, XXIV, 115). Керк справедливо отмечает, что представление о совместном походе воинов из различных городов не связывается исключительно с Троянской войной (Керк. Указ. соч., с. 106).

¹⁹ Подобную точку зрения высказывает Нильссон (Нильссон. Указ. соч., с. 239).

лей²⁰. Перед нами яркое описание событий большой и бурно прожитой жизни. Нигде нет и намек на то, что герой был связан с «товарищами» по походам кровными узами. Их объединяла лишь надежда на богатую добычу. Несмотря на резкие взлеты и падения, перемены судьбы, «критская» легенда, очевидно, восходит к довольно обычному жизнеописанию авантюриста.

Как уже отмечалось, и таким «вольным добытчикам» было невозможно уклониться от участия в Троянском походе. Но военные предприятия такого масштаба затевались нечасто. В «мирное» же время «богатый и знатный человек мог в любой момент собрать «товарищей», спустить на воду корабли и вести их в любом направлении»²¹. Он обеспечивает их продовольствием на первое время, в дальнейшем их кормит разбой. Чем более известно мужество и удача предводителя, тем больше «вольных товарищей» соберется на его суда²². Следует отметить эпизодичность и случайность таких объединений. Содержать постоянно значительный военный отряд было не под силу не только таким «флибустьерам», как критский герой, но и людям значительно более богатым и знатым²³.

Далеко не всегда поход завершался сражением. Город мог спастись от угрозы штурма и разграбления, поделившись с осаждающими частью своих богатств. Заключая договор с троянцами, Агамемнон требует не только выдачи Елены и похищенных сокровищ. Жители Трои должны заплатить «возмещение, какое подобает» (Илиада, III, 286). Свидетельства

---

²⁰ Одиссей выводит своего героя из этого бедственного положения (Одиссея, XIV, 285 сл.). Авантюристость сюжета и близость его к судьбе самого Одиссея очевидны. Так, описание разгрома отряда Одиссея (Одиссея, IX, 40 сл.) близко к «Египетской» катастрофе мнимого критянина.

²¹ Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). Дис. на соиск. учен. степеней канд. ист. наук. Л., 1965.

²² Илиада, II, 675.

²³ Анализ гомеровских свидетельств о дружинах (*εταῖροι*) не входит в задачу данной статьи. Проблема рассматривается в монографии Ю. В. Андреева «Ранне-Греческий полис» (Андреев Ю. В. Указ. соч., с. 88). Следует отметить, что гомеровская терминология, связанная с воинскими контингентами, сложна и запутанна. Помимо общего термина *отрас* — «войско», «армия», часто употребляется *лаос* и *εταῖροι*; *лаос* иногда связывается со значительным войском, в частности, ополчением города (Илиада, II, 716), *εταῖροι* в большинстве случаев означает «дружина». Едва ли в представлении Гомера эти понятия далеки друг от друга. Об этом свидетельствуют и выражения *λαὸν αὐεῖρεῖν* (Илиада, — 2, 664; — 11, 716), *εταῖρους αὐεῖρεῖν* (Илиада, 3—, 47; — 13—, 778) и последовательное употребление терминов по отношению к одному и тому же отряду воинов (Одиссея, XIV, 247, 248).

поэм позволяют предположить, что имеется в виду под этим «возмещением». Гектор, размышляя об условиях возможного примирения с ахейцами, предполагает разделить с ними все богатства Трои (Илиада, XXII, 114 слл.). Близко к этим пассажирам описание «Города войны», изображенного на щите Ахиллеса (Илиада, XVIII, 509 слл.). Враги, окружившие город, угрожают разрушением его, если граждане не разделят с ними свои богатства. Требование выкупа под угрозой штурма и разрушения города — обычный прием пиратства вплоть до сравнительно недавней исторической эпохи²⁴.

Поэмы лишь глухо упоминают о других военных предприятиях ахейцев, не связанных непосредственно с осадой Трои. Концентрируя традиционный материал в кратковременном действии, поэт не уделяет этим эпизодам много внимания. Двенадцать городов разрушили ахейцы рейдами с моря, одиннадцать — с суши (Илиада, IX, 328). В немногих словах Гомер описывает судьбу одного из этих городов (Илиада, I, 366 слл.). Ахейцы пришли к городу, разгромили его, а все захваченное представили в лагерь под Троей для дележа. Подобный «подвиг» совершает и Одиссей, возвращаясь домой после разрушения Трои (Одиссея, IX, 39 слл.). Разрушив Измар, ахейцы истребили мужчин и разделили захваченное. Дележ производится так, «чтобы никто не ушел без своей доли» (ὄς μὴ τίς μοι ἀτερφεμένος κίσις ἴσῃς). Едва ли эта традиционная формула (Одиссея, IX, 549; Илиада, XI, 705) отражает подлинную практику раздела добычи. Спутники Одиссея горько сетуют на то, что в то время как их вождь везет домой захваченные богатства, они возвращаются с пустыми руками²⁵ (Одиссея, X, 37 слл.). Ненависть, смертельная вражда вспыхивает из-за захваченных ценностей. Ахиллес угрожает смертью тому, кто посягнет на его трофеи (Илиада, I, 300 слл.), критский авантюрист в подобной ситуации совершает убийство (Одиссея, XIII, 266). Все это заставляет усомниться в идиллической картине «справедливого» распределения добычи и

²⁴ Эти пассажи показывают, насколько справедлива характеристика война у Гомера, данная Ф. Энгельсом. Ясно видны черты «совершающегося уже вырождения древней войны между племенами и систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение ее в регулярный промысел...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 108).

²⁵ Герой «критской» истории объясняет свое быстрое обогащение тем, что лучшую часть добычи он брал себе до дележа, многое доставалось затем по жребию (Одиссея, XIV, 232 слл.).

вполне согласуется с «восхвалением и почитанием богатства как высшего блага и злоупотреблением древними родовыми порядками с целью оправдания насильственного грабежа богатств»²⁶.

Анализ гомеровских представлений о войне был бы не полным, если не обратиться к свидетельствам поэм о союзниках (эпигоροι). Их храбростью и многочисленностью объясняет Агамемнон невозможность взять Трои (Илиада, II, 130 слл.)²⁷. Союзники прибывают в Трои одновременно. Обычное указание, что они воюют, «угождая» Приаму или Гектору, оставляет неясными отношения вождей союзных отрядов с троянцами. Ведь «союзники» не могут рассчитывать на богатую добычу. Лишь отдельные намеки, рассеянные в тексте поэмы, позволяют сделать предположения о причинах участия союзников в войне.

Глава троянского ополчения Гектор дважды упоминает, каким тяжелым бременем ложится на город содержание союзников. Многие сокровища Трои проданы с тех пор, как началась война (Илиада, XVIII, 280). Воюют союзники небрежно, неохотно, предоставляя все тяготы войны троянцам (Илиада, X, 420). Что же побудило союзников собраться «из далеких градов» на защиту Трои? Очевидно, они связаны с троянцами отношениями дружбы и гостеприимства. Один из пассажей в «Илиаде» иллюстрирует, насколько сильны были эти отношения. Двое противников, встретившись в битве, примиряются и обмениваются подарками потому только, что их деды были гостеприимцами (Илиада, VI, 215 слл.). Было бы, таким образом, ошибочно считать союзников в «Илиаде» простыми наемниками, привлеченными дарами и содержанием. Гектор однажды называет союзников «живущими в окрестностях» (Илиада, XVII, 220). Эпитет остался бы непонятным, если бы не одно из замечательных сравнений в «Илиаде», рисующее войну несравненно меньшего масштаба, чем троянская. Жите-

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 108. В гомеровских описаниях раздела военной добычи можно различить следы древней практики: неоднократно говорится, что «награды» вождям и героям дают «ахейцы» (Илиада, I, 161, 176). Но это не более чем военно-демократическая фразеология, отзыв далекой традиции. Уже не жрецы от имени общины обещают награду за военные подвиги, а вождь выделяет часть добычи или отнимает ее по собственному усмотрению (Илиада, IX, 332).

²⁷ Гомер не связывает «союзничество» исключительно с троянским походом. Некогда отец Дномедта Тидей искал союзников в Микенах (Илиада, IV, 376 слл.). Приам в юности был союзником фригийцев в войне с амазонками (Илиада, III, 184).

ли острова, окруженного врагами, весь день сражаются, а ночью зажигают огни, «чтобы живущие в окрестностях увидели и на кораблях скорее прибыли защитники» (περικτιοφεςοσι ιδεσθαι, αι κεν πως ουν υηροισι αρεω αλκηρες ικωυται (Илиада, XVIII, 212).

Очевидно, и союзничество у Гомера имеет в основе обычную соседскую взаимопомощь. При внезапном нападении врагов, соседей, если с ними были дружеские отношения, можно было вызвать сигналом тревоги, не заключая предварительных договоров. Едва ли можно допустить то, что таких «союзников» можно было удержать на долгий срок. И не только потому, что «длительная осада не соответствует «духу Героического века», как считает Керк²⁸. Содержание значительного числа союзников было непосильно для сравнительно небольших полисов Геометрического периода²⁹.

Любопытные черты гомеровских представлений об отношениях вождя и его отряда видны в описании странствий Одиссея. Воинство «хитроумного царя» Итаки не слишком подчиняется своему вождю (Одиссея, IX, 40 слл.). Беспечно пируя у стен разрушенного города, спутники Одиссея навлекают на себя жестокие бедствия. Перед важными предприятиями Одиссей собирает свой отряд «на совет» (Одиссея, IX, 170; X, 188). «Друзья и соратники», как и в описаниях собранной ахейской коалиции, не более чем пассивная толпа. Но и среди них находится «непокорный». Эврилох, ближайший родственник Одиссея и командир половины его отряда (Одиссея, X, 441; IX, 203 слл.), обвиняет вождя в смерти товарищей и призывает остальных к неповиновению (Одиссея, X, 437). Оскорбленный Одиссей готов убить «наглеца». Отряд, однако, следует за вождем и «дерзкий» Эврилох плетется сзади, приведенный в трепет угрозами (Одиссея, X, 443 слл.). Не все конфликты разрешаются столь же благополучно. Неугомонный Эврилох снова восстает против вождя³⁰. На этот раз все «товарищи» с ним согласны и Одиссей вынужден уступить³¹.

²⁸ Керк. Указ. соч., с. 109.

²⁹ Похвальба Гектора «защитить город без народа, без союзников» с одними зятями и братьями (Илиада, V, 472 слл.) согласуется с нападением небольшого отряда на островок с малым населением, но совершенно противоречит масштабам батальных описаний троянской осады.

³⁰ Близость Эврилоха к Терситу очевидна.

³¹ Одиссей подчеркивает свое бессилие одного против всех (Одиссея, XII, 297) (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 105).

(Одиссея, XII, 294 слл.). Отношения между «добрым и справедливым» вождем и его «товарищами» далеко не идиллические. Небольшой отряд раздрается теми же противоречиями, что и ахейская коалиция под Троей.

Вопрос о реальности ахейской коалиции, по-видимому, едва ли разрешим на современном уровне наших знаний. Общеизвестно, что нет никаких археологических свидетельств о разрушении Трои именно ахейцами, а не любой другой волной завоевателей, например, «народами моря»³².

Важно отметить, что масштаб батальных описаний Троянской войны, огромные армии, длительность самой осады противоречат нашим знаниям о Гомеровском периоде³³.

Возникает вопрос о реальности гомеровских военных представлений. Следует помнить, что речь может идти о реализме «эпическом». Концентрируя внимание на «подвигах» вождей, поэт оставляет в тени значительно более важные, с нашей точки зрения, черты военной организации³⁴. Поэтому для нас имеет большое значение тот «фон» поэм, на котором разворачивается сюжетная линия.

Неоднократно упоминавшиеся «критские» истории, пиратские рейды вряд ли можно счесть поэтической фикцией. Война между пилосцами и эпейцами в целом представляется реалистическим описанием войны и вражды двух городов. Но эпизодические военно-грабительские предприятия — это не война в позднейшем значении слова³⁵. Гомер не представляет значительных постоянных воинских объединений³⁶. При войне и мятеже человек может опереться на братьев и родственников (Одиссея, XV, 272, XXIV, 434 слл.). Одиссей опирается в трудную минуту даже не на «товарищей» — слуг, а на рабов (Одиссея, XXI, 194 слл., XXIV, 496). С очень небольшим отрядом возвращается в Микены Агамемнон. Огромные армии,

³² Эта возможность рассматривается Керком (*Керк. Указ. соч.*, с. 105).

³³ Гринхалг отмечает, что масштабы осады могут объясняться просто поэтическим преувеличением (*Гринхалг. Указ. соч.*, с. 166). Более убедительной представляется точка зрения Керка о связи Троянской осады с традицией Бронзового века.

³⁴ Мы лишь один раз встречаемся с филами и фратриями (*Илиада*, II, 362) — родовыми единицами военной организации.

³⁵ Гомер не знает земельных захватов. Город берется «копьем» и после грабежа оставляется победителями.

³⁶ Убедительным свидетельством этой точки зрения служит непоследовательность и беспомощность в изображении огромной ахейской армии под Троей. С одной стороны, ахейская армия — подобие дружины Агамемнона, с другой — «своеобразный полис, возникший на вражеской территории» (*Андреев Ю. В. Указ. соч.*, с. 52—53).

толпы и множества исчезают. Остается представление о разбойничьих набегах небольших отрядов, войнах между мелкими городами³⁷. Наиболее ясно Гомер представляет ополчение города. Угроза уничтожения заставляла собраться всех способных носить оружие. Число этих «защитников города», очевидно, было невелико. Воинов не хватало для одновременной защиты стен и сражения в поле. Оставленный защитниками город охраняют женщины, дети и старики (Илиада, VIII, 517 сл., XVIII, 514 сл.).

Таким образом, нет никаких оснований связывать гомеровские описания осад с традицией Бронзового века. Такие центры Геометрического периода, как Старая Смирна, очевидно, неоднократно подвергались осадам и вполне могли служить источником гомеровских описаний³⁸.

Едва ли в представлении Гомера между «миром» и «войной» лежала пропасть. «Город мира», так ярко описанный в 18 песне «Илиады» (Илиада, XVIII, 490 сл.), и близкая к нему картина мирного благоденствия Феакийского народа (Одиссея, IX, 5 сл.) скорее всего лишь далекая от реальности фантазия поэта. Пиратские рейды, грабежи скота, раздоры между «согражданами», кровная месть — жизнь в изображении Гомера, беспокойна и без войны, если понимать под войной угрозу штурма и уничтожения города³⁹.

Грабительские набеги могли быть причиной вражды между городами и, наоборот, «старые счеты» подталкивали к новым «отважным» предприятиям⁴⁰.

³⁷ Керк считает «полноправной» частью гомеровских представлений о войне «гражданскую» войну на Итаке. Едва ли можно считать столкновение Одиссея с итакийцами гражданской войной. По-видимому, это не более чем заурядное столкновение между аристократическими родами.

³⁸ *Гринхалл*. Указ. соч., с. 166. Против связи гомеровских описаний осад с традицией Микенской эпохи свидетельствует и то, что Гомер ничего не знает о мощных цитаделях этого периода.

³⁹ Известный исследователь Чадвик в работе «Героический век» утверждает, что «в целом, нормальное состояние отношений между королевствами — это состояние мира» (The Heroic Age, by H. M. Chadwick, Camb., 1912, p. 386). Справедливым, однако, кажется считать нормальными отношениями в гомеровском обществе «войну всех против всех».

⁴⁰ Мысль о том, что войны «прошлого» отличаются от войн «настоящего», глубоко чужда Гомеру. Некогда были отважные мужи, сражавшиеся с дикими обитателями гор (Илиада, I, 263 сл.). Последующие поколения уступают во всем этим легендарным героям. Сражаются они уже с обычными людьми. «Подвиг» Геракла, который с небольшим отрядом «сделал пустынными улицы Трои» (Илиада, V, 640 сл.) едва ли отличается в представлении поэта от «славного деяния» Одиссея — разграбления города Измара.

Сложность гомеровской «картины войны» обусловлена исторической сложностью Гомеровского периода. Ополчение, включавшее всех, способных носить оружие, не соответствовало частым грабительским походам. Эпизодически возникавшие «товарищества» воинов не могли оформиться в дружину, постоянно связанную со своим вождем, из-за ограниченности материальных возможностей гомеровских аристократов⁴¹. Этот «кризисный» период в развитии военной организации и отражают гомеровские представления о войне.

Е. В. МАВЛЕЕВ

ГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ В ЭТРУРИИ (о понимании этрусками греческих изображений)

«Этруская проблема» уже давно находится в центре внимания отечественного антиковедения. Не только происхождение народа, его социально-экономическая и политическая жизнь, но и своеобразие духовной культуры привлекает к себе все большее число специалистов¹. Однако все эти вопросы пока еще не получили достаточно полного освещения, что во многом связано с невозможностью опереться в полной мере на данные этрусского языка, до сих пор окончательно не дешифрованного. Особенно решительно мы вынуждены вступить в область гипотез при попытках восстановить картину духовной культуры этрусков, поскольку она воссоздается главным образом благодаря толкованиям изображений на памятниках искусства. В связи с этим особую значимость получает вопрос о бытовании в Этрурии греческих мифов, картины которых часто возникают на произведениях местных мастеров. Неред-

⁴¹ Андреев Ю. В. Указ. соч., с. 89.

¹ Отметим лишь некоторые работы, подробно останавливающиеся на особенностях духовной культуры этрусков, выделяющих ее среди других культур: Залесский Н. Н. К социальной истории этрусков. — «Учен. зап. ЛГУ», 1950, № 127; Ельницкий Л. А. Этрусски и греки (эллинизация Италии). — ВДИ, 1948, 1; Он же. Элементы религии и духовной культуры древних этрусков. — В кн.: Немировский А. И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964; Немировский А. И. — Харбёкин А. И. Этрусски. Воронеж, 1969; Серия докладов на I этрускологической конференции в Ленинграде (Ельницкий Л. А. Происхождение древнеэтрусской космогонии и дивинации (из словаря Суды); Мавлеев Е. В. «Книга жизни» у этрусков; Тимофеева Н. К. Этрусский Ферсу и лидийский Кандаулес); История и культура этрусков. Л., 1972.